

*И.Н. Васев***Русская крестьянская община как альтернатива концепции гражданского общества***I.N. Vasev***Russian Country Community as an Alternative to the Concept of Civil Society**

Анализируется природа русской крестьянской общины как системообразующего элемента в истории отечественного государства и права. Проводится сравнение западноевропейской идеи гражданского общества с общинным мироустройством.

Ключевые слова: государство, право, община, эволюция, гражданское общество, концепция, солидарность.

История русской крестьянской общины поражает своей неповторимостью. Формы общественной, в том числе правовой жизни, выработанные ею, поистине уникальны. В этом смысле они могут служить проверенным веками эталоном для современного российского законодателя, который, к сожалению, более склонен к усиленному штудированию привнесенных извне концепций «гражданского общества», «правового государства», нежели к усвоению исторического опыта собственной страны. Удивляет и еще одно обстоятельство – поразительно слабый интерес к данному институту в современной науке. Работы, затрагивающие тематику крестьянской общины, порой ограничиваются лишь критикой в адрес общинного мироустройства, умалчивая о несомненных положительных чертах последнего. Большинство исследователей склонны видеть в общине институт, стеснявший свободу его членов, всячески препятствовавший экономическому, правовому, нравственному развитию русского крестьянства. Такие односторонние выводы относительно института, сыгравшего одну из ключевых ролей в истории государства и права, не могут не вести к формированию искаженного восприятия прошлого.

Прежде всего, вызывает непонимание попытка отнять у русской крестьянской общины ее право быть отличительной чертой национального устройства. Исследователь прошлого столетия А.А. Кауфман считал, что общинный миропорядок не был исключительной чертой русского характера. Наблюдая переход современных ему киргизских, башкирских, татарских, алтайских и прочих народов от кочевого скотоводства к оседлым формам жизни, А.А. Кауфман приходил к выводу, что и нерусским народам при-

This article presents an analysis of the nature of the Russian country community as a backbone element in history of domestic state and law. The Western-European idea of a civil society is compared with Russian communal world order.

Key words: state, law, commune, evolution, civil society, conception, solidarity.

суща община [1, с. 109]. В обобщенном виде данная мысль выглядит следующим образом: любой народ при переходе от скотоводства к земледелию вырабатывает у себя общинную форму. Но данный автор не учитывает следующее немаловажное обстоятельство: нерусские народы, переходившие к земледельческому хозяйству с элементами общины, имели перед собой один очень яркий пример – русскую крестьянскую общину. Скорее, формы будущей их жизни определялись не какими-то объективными законами смены скотоводства земледелием, а каждодневным контактом с представителем русского крестьянского мира. Сам А.А. Кауфман свидетельствовал: «...земледелие (среди нерусских народов. – *Прим. авт.*) наиболее распространено в тех волостях, в пределах которых и погранично размещено наибольшее число русских поселений, причем обыкновенно дело начиналось с того, что русский или сам производил для киргиза известные земледельческие работы, или учил его, как надо это делать» [1, с. 40–41].

Община как форма мироустройства отнюдь не была присуща всем без исключения народам и народностям. Пожалуй, лишь славянское (в котором русские, великороссы представляют собой одно из ответвлений) племя смогло развить ее в том виде, в каком мы привыкли ее подразумевать, произнося слово «община». Мы не именуем общиной племя американских индейцев. Мы не называем общиной и те формы общественной жизни, что сформировались у германских племен, – здесь мы употребляем термин «марка». Мы не называем общиной и иные устойчивые группы, присутствовавшие в истории России, например рыбаков Архангельска или Астрахани, – здесь мы говорим «артель». Хотя во всех этих

случаях присутствовала известная общность земли или имущества. Такое терминологическое различие на подсознательном уровне подсказывает нам, что русская крестьянская община была чем-то большим, нежели простой устойчивой социальной группой. Она являлась носителем ряда специфических черт, выде ливших ее из массы иных схожих социальных образований.

Для русской общины эти особенности в первом приближении могут быть сформулированы следующим образом: 1) особое, уникальное отношение к земле; 2) глубоко религиозная основа общинной жизни. Эти два качества на самом деле не есть отдельные характеристики русской общины: они обуславливают и поддерживают друг друга. Без православия русский народ не выработал бы такого глубоко духовного представления о земле; без привязанности к земле как жизненной основе русский народ не смог бы постичь всю глубину православия. И еще один немаловажный факт требует своего установления: 3) крестьянская община на Руси сложилась в эпоху распада родового строя. Здесь А.А. Кауфман полностью прав, устанавливая тождественность русской общины формам социального общежития прежних кочевников (якут, башкир, татар, алтайцев, киргиз и пр.). Но что делает русскую общину именно таковой, так это то обстоятельство, что крестьянская община Руси (России), возникнув в догосударственный период, существовала и развивалась уже после разрушения родового строя, наряду с сильной российской государственностью. Общинный строй в России не был лишь переходным на пути к строю государственному. Более того, эти две формы (общинная и государственная) выработали уникальную схему взаимодействия. Социальные же формы земледельческого общежития, сложившиеся у бывших кочевников, возникли уже в поле российской государственности (XIX в.), имея в виду яркий пример русской общины.

Таким образом, мы имеем полное право относить крестьянскую общину к отличительным формам русской (славянской в целом) народной жизни. Слово «община» в рамках заданной исследовательской парадигмы не может механически переноситься на иные, пусть и схожие формы социального устройства.

Обратимся к высказываниям современного немецкого профессора, специализирующегося на восточноевропейской истории, Г. Герке, которого трудно заподозрить в каких-либо симпатиях к «постоянно авторитарной» России. Он как сторонний наблюдатель следующим образом высказывается о духе русской крестьянской общины: «Эти ценности (соборность, общность) служили славянофилам в качестве признака, отличающего основанное на христианском принципе любви к ближнему русское общество от, по их мнению, эгоистического, материалистического и упаднического западноевропейского общества. При

этом я нисколько не сомневаюсь, что подобное сопоставление имеет в себе рациональное зерно. Всегдашняя готовность помочь любому отчаявшемуся, беглецу или каторжнику прослеживается в истории России с XVIII в. до Второй мировой войны гораздо явственнее, чем на Западе» [2, с. 228]. Не понятно только, почему Г. Герке усматривает историческое начало данной черты народного характера именно в XVIII в.? И.Л. Солоневич любил вспоминать: «В сибирских деревнях существовал обычай: за околицей деревни люди клали хлеб и пр. для беглецов с каторги: “Хлебом кормили крестьянки меня, парни снабжали махоркой”, – как поется в известной сибирской песне. В немецкой литературе мне приходилось встречать искреннее возмущение этой “гнилой (!) сентиментальностью”» [3, с. 465].

На протяжении всей истории своего существования крестьянская община, собиравшая под своей сенью подавляющее большинство населения страны, неизменно прививала национальному правосознанию качества солидарности, готовности помочь. А.А. Васильев делает очень интересное наблюдение: слово «несчастный», каковым нарекали каторжников, происходит от слова «часть», «несчастный» следует понимать как «отпавший от целого». Таким целым была община. «Счастливый человек – тот, который является частью соборного общества и мира. Потеряв связь с миром, общиной в грехе, человек становится несчастным. Но при том община не отвергает такого человека» [4, с. 179], она участвует в его несчастье.

Взаимопомощь, безразличие к ближнему, социальная справедливость – основные движущие силы русской крестьянской общины. В отличие от концепции «гражданского общества», где социально активное правомерное поведение обосновывается прежде всего рационально выводимыми причинами, мироустройство русских крестьян подразумевало делание не умом, а сердцем. Духовно-нравственное отношение к жизни брало верх над рационалистическим.

Сами правовые основы, на которых зиждилось старое общество, имели уже недоступное нам значение. С.П. Швецов утверждал, что основной принцип традиционной русской общины – это принцип равенства, но не равенства всех перед законом, а «равенства всех перед землею» (см.: [1, с. 3]). Заметим, речь идет не о каком-то афоризме, а о полноценном правовом принципе. Раскрыть его можно следующим образом: «...все, кто имеет отношение к земле, поставлены в совершенно равные условия». Земля как средоточие народной жизни определяет правовое положение человека. Не какие-то абстрактные ценности в виде гуманизма, справедливости и прочего, а стояние человека к земле – уникальное «правочувствие» [5, с. 65] той эпохи, недоступное современной позитивистской юриспруденции. Земля была дана всем

свыше. Поэтому тот, кто переставал работать на ней своими руками, не имел морального и юридического права в дальнейшем заниматься землей. Именно здесь нам становится понятным абсурдное с точки зрения современного права, вышедшее из употребления выражение «временная собственность». Община дает нам пример истинной солидарности, которой не удалось достичь ни одному социалистическому государству.

Крестьянская община есть мир. Мир не в смысле Вселенной и не в смысле отсутствия войны. Старое значение «мира» нами практически утрачено. В какой-то мере понять, чем же был мир для наших предшественников, позволяют еще сохранившиеся выражения: «собирали помощь всем миром», «с мира по нитке», «проезжали всем миром», «решили всем миром». Существование человека в мирской орбите кардинально отличалось от жизненного пути современного нам человека. Представитель нашего времени предельно автономен. Мы говорим: «Я родился, я обучаюсь, я поступаю на работу, я создаю семью, я ухожу из жизни». Максимально крупными формами социальной жизни сегодня являются семья и, возможно, трудовой коллектив (если он сплочен). Русский крестьянин-общинник мыслил по-другому. Он не говорил: «Я поехал в город». Он, скорее, сказал бы: «Мир отправил меня в город на торг».

Часто встречается мнение, что крестьянская община всячески подавляла личное начало. Да, это действительно так. Но в каком смысле «подавляла» и какое «личное начало»? Крестьянская община подавила стремление зажиточного крестьянства стать еще состоятельнее за счет сельской бедноты. В этом смысле она, действительно, подавляла личные устремления определенной категории населения. И это положительный факт, достойный упоминания. Мы должны быть благодарны крестьянской общине, так как, не будь ее, Россия пошла бы по западноевропейскому пути развития событий на несколько столетий ранее. Этот сценарий таков: шаг, сделанный в пользу частной собственности, привел Европу к экономическому благополучию, а значит, и военной силе. Непомерно возросшие в связи с этим политические амбиции делают Европу ключевым геополитическим игроком Нового и Новейшего времени. Но запрос на статус

мироустроителя ничего кроме тяжелейших поражений пока не приносил. Крестьянская община выполнила свою миссию, сдержав скатывание России в экономическую гонку без победителя, и получила в награду за это клеймо «преграды на пути к прогрессу».

Когда фразу о «подавлении личного начала» пытаются обобщить до мысли о всяческом подавлении общиной всяческого личного начала, то здесь ничего кроме недоумения выразить нельзя. М.А. Кроль, участвовавший в конце XX в. в Комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области Российской империи, писал в своем отчете: «Сколько ума и знания местных условий, сколько понимания всевозможных частных интересов и уважения к ним может обнаружить такой коллективный организм, как община» (цит. по: [1, с. 353]).

Абсурдность утверждения о том, что крестьянская община, якобы, сковывала духовно-нравственное развитие населения, можно продемонстрировать на следующем примере. В 70–90 гг. XIX в. существование кабаков в селах было поставлено в зависимость от разрешения обществ. В.П. Воронцов, приводя статистику по Самарскому уезду, отмечает, что до указанного изменения кабаки имелись в девяти местных селениях; после же того, как мир сам стал решать вопрос о существовании кабаков на своей земле, «они были закрыты всюду, кроме села Мордовских Липяг» [6, с. 245].

Крестьянская община была системообразующим фактором в жизни нашего государства и права. Этот уникальный, к сожалению, почти забытый институт дал истории России образцы сбалансированного, устойчивого мироустройства. Отвернувшись от своего исторического прошлого, Россия пытается реализовать заимствованные извне программы местного самоуправления, гражданского общества. Но если эти теории, будучи выработанными зарубежными интеллектуальными силами для зарубежных же условий, отказываются приносить положительные плоды на почве нашего государства, то управленческая элита только выражает недоумение по поводу неготовности общества жить «цивилизованно». Не заимствование чужих форм, а знание собственной истории и умение делать из нее правильные выводы – вот что необходимо современной России.

Библиографический список

1. Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. – М., 1908.
2. Goerke G. Russland: eine Strukturgeschichte. – Paderborn, 2010.
3. Солоневич И.Л. Народная монархия. – М., 2005.
4. Васильев А.А. Очерки истории русской консервативной правовой мысли в XIX в. (славянофильство и почвенничество). – М., 2011.
5. Посошков И. Книга о скудости и богатстве. – М., 1951.
6. Воронцов В.П. Артель и община. – М., 2008.